

национальную идентичность, нашу сущность и предназначение нужно, чтобы эта проблема стала актуальной, в первую очередь для главы государства.

Россия может быть обновлена и будет обновлена в своем русском национальном строении именно этим духом – духом сердечного созерцания и предметной свободы [Там же. С.22].

Внедрение этого духа в самосознание русского народа во многом зависит от специфики воспитания будущего поколения. Поэтому, мы считаем, что для развития русской национальной идеи необходимо воспитывать социо-культурную идентичность современного специалиста для осознания русским народом своей сущности и предназначения.

Литература

1. Ильин И.А. О русской идее // Ильин И.А. Наши задачи: В 2 т. М, 1992. Т.1.

С.З. ГОНЧАРОВ

г. Екатеринбург

ИВАН ИЛЬИН О НРАВСТВЕННОЙ ОСНОВЕ ВОИНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Вопросы о возвращении на Родину, о России, ее культуре и ее будущем прямо связаны с волевой готовностью служения. Высшее, совершенное и родное защищают словом, делом и мечом. Проблема национально-культурной идентичности переходит по существу в проблему духовно-нравственного состояния армии и предстает как вопрос об этике воинского служения, о нравственной основе истинной воинской идентичности.

Чью армию я считаю своей – такова моя идентичность. Вот как И.А. Ильин советовал вселять в юные души образ армии: «Армия есть сосредоточенная волевая сила моего государства, оплот моей родины; воплощенная храбрость моего народа, организация чести, самоотверженности и служения – вот чувство, которое должно быть передано ребенку его национальным воспитателем. Ребенок должен научиться переживать успех своей национальной армии как свой личный успех; его сердце должно сжиматься от ее неудачи; ее вожди должны быть его героями; ее знамена – его святынею. Сердце человека вообще принадлежит той стране и той нации, чью армию он считает своею. Дух воина, стоящего на страже правопорядка внутри страны и на страже родины в ее внешних отношениях, отнюдь не есть дух “реакции”, “насилия” и “шовинизма”, как думают иные даже до сего дня. Без армии,

стоящей духовно и профессионально на надлежащей высоте, – родина останется без обороны, государство распадется и нация сойдет с лица земли. Преподавать ребенку иное понимание, значит содействовать этому распаду и исчезновению» [2. С.207]. Это «интеллигенция», в означенном выше смысле [1], продолжает свою традицию: средствами массовой информации глумится над величием воинского духа, честью армии России, особенного советского периода. Российская армия нуждается в философии воинского служения.

В «Православной газете» профессор Московской духовной академии диакон Андрей Кураев обсуждает вопрос «Как относиться к исламу после Беслана?» [10]. Уважаемый автор статьи обоснованно утверждает об ответственности той части улемов, которые побуждают мусульман к террору против «неверных» ссылками на Коран. При этом автор специально не обсуждает вопрос – чему учит трагедия в Беслане православных христиан. Однако мимоходом А. Кураев приводит историю из деяний Константинопольского Патриарха святителя Полиевкта, который не только отказался причислять к лику святых всех воинов, павших на войне с арабами, но еще и ответил императору, что оставшиеся в живых воины только по снисхождению допускаются к принятию Святых Тайн, от которых они должны были бы отлучаться на пять лет «как пролившие кровь». Автор поясняет: «Мотив Патриарха понятен: нельзя воевать без ненависти. А ненависть опаляет душу». По смыслу церковных канонов и воин, вернувшийся с войны, «нуждается в духовном лечении и покаянии, а потому и подлежит временному отлучению от Причастия». А. Кураев ссылается, в частности, на 55-е правило Св. Василия Великого, которое отлучает от причастия и тех, кто «силой меча сопротивлялся разбойникам».

Приведенные выше соображения А. Кураева побуждают задуматься над вопросом – как соотносятся, с одной стороны, любовь к Богу, а, с другой стороны, меч воина, пресекающий реальные злодеяния?; допустимо ли вообще сопротивляться злу силою? В сознании многих людей существует мнение о христианской позиции как непротивленческой (ударил по одной щеке, подставь другую). Ссылки диакона Кураева на церковные каноны только подкрепляют такое мнение, и из них читатель может сделать вывод: сопротивление злу силою есть грех. Непротивление злу по последствиям означает подчинение ему, участие в нем, превращение себя в его рассадник. С другой стороны, взявший меч от меча и погибнет.

Вопрос о сопротивлении злу силою основательно рассмотрел в своей книге православный мыслитель И.А. Ильин. Над книгой «О сопротивлении злу силою» он работал 20 лет, она была опубликована в 1925 году. И после ее публикации он продолжал исследование темы, углубляя ее разные аспекты в дальнейших публикациях и многих публичных выступлениях. Эту книгу желательно прочесть каждому воину, будь то солдат или офицер, каждому юноше, получающему паспорт, независимо от вероисповедания и национальности. В ней Ильин раскрывает несостоятельность учения Л.Н. Толстого о непротивлении злу силою и обосновывает *этику воинского служения*. Мы попытаемся познакомить с наиболее важными для нашего времени положениями этой очень поучительной книги и раскрыть потенциал совершенства в решении трагических вопросов жизни.

Ряд причин побуждал Ильина исследовать эту тему на протяжении всей жизни. Во-первых, злодеяния в России, которые он застал при большевиках; далее, шаткость ума и воли интеллигенции, «белибердяевщина» в идеологии; наконец, личная ответственность за будущее России.

Одна из причин великой беды, постигшей нашу Родину, отмечал Ильин, состоит в неверном строении русского характера и идеологии, особенно в широких кругах русской интеллигенции. Эта неверность есть сентиментальность – «духовно слепая жалостливость, преобладание чувства над волею и обывательского настроения над религиозностью», «беспредметная размягченность души, не умеющей любить Божественное всей душой, не умеющей решать, принимать на себя ответственность и вести волевою борьбу» [3. С.224]. Эту шаткость воли интеллигенция насаждала в душу народа весь XIX век. Она размывала крепость веры, вселяла западное идолопоклонство, уродливые идейные нелепицы в журнально-газетной публицистике, играла парадоксами ради парадоксов. Так, В.В. Розанов отождествляет религиозное состояние души с половым возбуждением и всю жизнь проповедует сексуализацию религии и религиозную святость секса. Н.А. Бердяев проповедует, что Бог есть существо двуполое и что человек тем ближе к Богу, чем более он подобен гермафродиту. С.Н. Булгаков дает новое откровение о Святой Троице: Бог Отец, Бог Сын и Бог Дух Святой имеют общую возлюбленную Св. Софию, они по очереди истощают себя в любви к ней, и она от них зачинает и родит видимый мир. Поэты Вяч. Иванов и др. воспевают проститутку как Пречистую Деву [4. С.267].

В сочетании «безвольной сентиментальности, духовного нигилизма и морального педантизма» окрепло учение Л.Н. Толстого о непротавлении злу силою. Зловредность его воззрений «превосходит во многих отношениях все то, что сделали все остальные, вместе взятые». Его учение – настоящий духовно-культурный нигилизм. Ради сентиментально истолкованной добродетели Толстой отрицает «государство, науку, искусство и христианскую положительную церковную религиозность» [4. С.268]. Его понимание сводилось к отвержению мира и к непротавленчеству. Любовь есть «жалостливость» и исключает «меч». Спротивление злу силою есть преступное насилие. Любит не тот, кто борется, а тот, кто бежит от борьбы. Жизненное патриотическое дезертирство толкуется Толстым как проявление святости. Можно и должно предавать дело Божие на земле ради собственной моральной праведности [3. С.225].

Надо любить (по Толстому, жалеть) человека, сострадать ему, уговаривать и не огорчать его. Живи сам доброй жизнью и предоставь других самим себе. Любовь исключает саму мысль о физическом сопротивлении злу. Спротивление злу силою есть преступное насилие. Внешнюю борьбу со злом надо, по Толстому, прекратить раз и навсегда. Все, кто к ней причастны – разбойники и революционеры, политики и министры – люди заблудшие. Мораль Толстого эгоцентрическая: важно, что я сострадал, а не тот, кому я сострадал; главное – *моя* моральная безукоризненность и праведность.

Художественный гений Толстого, созвучие его учения шаткости российской интеллигенции способствовали большой популярности непротавленчества. Эта идеология ослабила души людей и парализовала государственную волю в борьбе со злом. Многие извлекали свои силы из этой борьбы, видели свою доблесть в «робкой уступчивости сатане и хоронились по щелям в час гибели родины». Непротавленческая установка крепла весь XIX век, пробираясь все выше и парализуя государственную волю в России. Отречение двух законных государей завершило этот процесс. Эта же установка, внедряемая либерально-демократической публикой, парализует государственную волю и в современной России.

Непротавленчество, отмечает Ильин, – «идеологическая гангрена: не справившись с нею, русские люди не построят России» [5, С.269]. Вопрос о сопротивлении злу – это вопрос о способности народа защитить от злодеяний Дело Божие, свой дух и свое тело, свою веру и культуру, государственность и территорию. Поэтому надо перевернуть раз и

навсегда толстовскую страницу «русской нигилистической морали и восстановления древнее русское православное учение о мече во всей его силе и славе» [3. С.225].

Книга Ильина сугубо теоретическая, философская, она содержит не только антитезис учению Толстому, но и синтез верного решения: сопротивляйся всегда, движимый любовью – «самосовершенствованием, духовным воспитанием других, мечом» [3. С.277]. В ней вопрос решается с позиций предельных оснований: божественное – дьявольское. Ильин привлекает тексты Евангелия, факты истории, тщательно сверяет свои положения с суждениями отцов церкви. Он опирался на поддержку митрополита Антония, архиепископа Анастасия Иерусалимского, епископа Тихона Берлинского. Содержание книги им нравственно выверены. «Я искал решения вопроса, настоящего религиозного перед лицом Божиим». По исторической преемственности, богословской и правовой компетентности, философской глубине и основательности, систематичности и полноте, смысловой прозрачности текста его труд представляется классическим произведением.

Книга Ильина – органичный момент в его духовном наследии, которому присуща художественная целостность, простирающаяся из единого источника – постижения совершенства Божия. Для верного ее понимания необходимо выявить исходные принципы автора и полемизировать по их поводу в первую очередь, а уже после – по поводу следствий из принципов. Не реконструировав эти принципы, оппоненты Ильина, по сути, не поняли нравственного существа книги и с издевкой уличали автора в чем угодно – в несвоевременности работы, в ложном пафосе, в гордыне, палачестве, чекизме, нерусскости и т.д. Но кроме личных нападок на автора у них ничего иного не получилось.

В своем труде Ильин исходил из ряда принципов. Во-первых, совершенство Божие есть абсолютный критерий дозволенного и недозволенного. Совершенству, (гармонии истинного, доброго, прекрасного) противостоит дьявольское ничтожное содержание (лживое, злое и безобразное). Ничтожное является таковым потому, что оно уничтожает тяготения к совершенству и живет пафосом вечного отрицания и гибели цветущих форм бытия. Ничтожное начало не самостоятельно, оно расширяет поле своего действия тогда, когда не встречает преград.

Во-вторых, любовь, укоренившаяся в совершенство Божие, преобразуется из душевной любви в духовную. Именно духовная любовь

становится зрячей в различении добра и зла, она ведает абсолютным критерием в отличие от любви душевной, релятивной.

В-третьих, зло есть лик дьявольский, начало антибожественное, противодуховное и антилюбобное. Через внешние проявления оно разрушает совершенные начала жизни. Борьба со злом абсолютна и безусловна по сути, но относительна и условна по месту и времени, по выбору форм борьбы. Недуховная же любовь как раз не улавливает абсолютности и безусловности противостояния божественного дьявольскому, добра злу: она видит лишь относительное и условное и поэтому впадает в релятивизм; не прозревает за душевно-психическими качествами людей духовно-нравственного отношения между добром и злом, поэтому вместо твердого «нет» она прибегает по отношению к злодею к уговорам, и жалости, состраданию и сочувствию. Беды недуховной любви проистекают из одного: она не знает абсолютного критерия, Божественного; из такого неведения проистекают ее ценностная размытость, волевая шаткость и ставка на неопределенную «гуманность», которая толкуется вкривь и вкось. Сентиментальные моралисты толкуют гуманность, как правило, в свою пользу.

В-четвертых, Ильин исходит из определенного ранга ценностей: Бог выше человека, духовное отношение выше душевного. Самым ценным в человеке он признает «образ Божий», а степень значительности или падения человека определяет мерой его духовности или противодуховности. Основным условием в решении проблемы добра и зла он полагает постановку вопроса «о самом лучшем», объективно совершенном. Христианин ставит свою совесть перед совершенством Небесного Отца и вопрошает его о «нравственном идеальном отношении человека к человеку, и перед лицом Божиим совесть дает ему ответ о самом лучшем и о праведном» [6. С.449]. При таком ранге ценностей человек может понять зло без индивидуальных пристрастий.

В-пятых, вопрос о сопротивлении злу – это вопрос о «мироприемлющей любви». Кто принимает мир, тот готов защитить в мире самое дорогое для него. Кто приемлет мир как творение Божие, тот зорче видит земные устремления к совершенству. Отвергающий мир ничего в мире не ценит. Ему нечего оборонять. Он отвергает меч. Как духовный дальтоник он не различает в мире Божественное и дьявольское, добро и зло, Георгия Победоносца и закальваемого им дракона. Но отвергающий мир действительным образом должен отвергнуть и самого

себя в мире. Всякий не убивший себя человек, приемлет мир. Поэтому для каждого живущего в мире проблема меча имеет смысл.

Из этих принципов следуют постановочные вопросы для обсуждения: «Смеет ли человек, стремящийся к нравственному совершенству, сопротивляться злу силой и мечом? Смеет ли человек, религиозно приемлющий Бога, его мироздание и свое место в мире, не сопротивляться злу силой и, когда необходимо, то и мечом»? [Там же. С.305].

Ильин настаивает на том, что добро и зло гнездятся *только в душе* в виде чувства и помыслов, решений и намерений. Во внешних материальных процессах самих по себе нет ни добра, ни зла. «Порез на теле нравственно нейтрален». Поэтому борьба со злом – процесс внутренний, духовный. Побеждает зло тот, кто превращает его в добро; кто преображает каменеющую ненависть в благодатную любовь. В этом, отмечает Ильин, заключена основная сущность борьбы со злом и победы над ним. А физическое пресечение зла имеет дело не с самим злом, а с его внешним проявлением – злодеянием; оно непроникает в ожесточенную душу, не преобразует ненависть в любовь, а лишь ограждает других людей от злодеяния и удерживает от злодеяний тех, кто способен соблазниться злом. Толстой призывает к внутреннему преодолению зла. В этом он прав, и Ильин в данном обстоятельстве с ним соглашается. Но далее Ильин аргументирует свою позицию, которая *отрицает* непротивленчество.

Если бы человек был существом духовным и бестелесным, или если бы человек переживал зло одной душой и, обладая телом, был бы лишен возможности проявлять зло вовне, телесно, тогда физическое воздействие на злодея потеряло бы смысл. Но в действительности душа и тело передают друг другу свои состояния, и человек изливает зло во внешние поступки. Его тело передает его душе чужой протест против его злодеяний. Поэтому физическое воздействие имеет смысл при определенных условиях.

Там, где духовное воздействие оказывается бессильным, и злая воля выступает в качестве внешней силы, как слепая злоба, ожесточенная, агрессивная, безбожная, духовно растлевающая – необходимо злодея *заставить* – наложить извне волю на внутреннюю или внешнюю деятельность человека и пресечь ее. Заставить можно психически, обращаясь к душе (приказ, запрет, угроза и т.д.), или физически, обращаясь к телу. *Заставление не совпадает с насилием*. Оно может быть дозволенным. *Насилие же в принципе не дозволено*. Насильник говорит

своей жертве: «ты – средство моего интереса и моей похоти, ты – не автономный дух, а подчиненная мне одушевленная вещь, ты во власти моего произвола» [3. С.343-344]. Человек же, пресекающий злодеяния, не попирает *автономию* злодея, а требует ее *восстановления*. Он движим не злобой, а силой утверждения *справедливости*. Толстой же называет *всякое заставление насильем*, отвергает внешнее заставление как ответ злом на зло, как покушение на свободу другого. Внешнюю борьбу со злом надо, по Толстому, прекратить раз и навсегда. Здесь заключен *источник заблуждений* великого писателя и его многочисленных последователей. Ведь само внешнее физическое воздействие не есть зло потому, что ничто внешнее само по себе не может быть ни добром, ни злом; «оно может быть таковым только как проявление внутреннего добра и зла» [6. С.434]. Физическое заставление было бы злодеянием, если бы оно было «противодуховно и противолюбовно».

Человек может прибегнуть к самозаставлению. Нemoшь в самозаставлении (самопринуждении) ставит вопрос о психическом понуждении со стороны других. Воспитывать слабохарактерных – значит учить их самопринуждению к добру, а не ко злу. Для человека, слабого в добре и не окрепшего во зле, внешнее психическое понуждение со стороны родителей, учителей, церкви и государства есть могучее подспорье. В заставлении физическое воздействие образует последнюю стадию. Оно необходимо, когда самозаставление не действует, а внешнее психическое понуждение оказывается несостоятельным. Мечта переродить злодея одним нравственным совершенством как примером других людей несостоятельна потому, что «преображение злодея должно быть его личным самостоятельным актом, а не отблеском чужого совершенства» [3. С.277].

Сентиментальное жалостливое безволие непротивленцев прикрывается ссылкой на волю Божию (как ныне в России относительно отмены смертной казни). Воля Божия толкуется непротивленцами избирательно. Когда злодей обижает не злодея (растлевает детей, кощунствует над святынями и губит Родину), то это «угодно Богу». Когда незлодей сопротивляется злодею силою, то это Богу не угодно. Воля Божия состоит, по мнению непротивленцев, в том, чтобы «никто не обижал злодеев, когда они обижают незлодеев» [Там же. С.386]. Непротивленцы не приемлют волю Божию тогда, когда такое приятие повело бы их к героическому волевому служению.

Толстой мораль ставит выше религии, а «гуманное» выше

Божественного. Гуманное он возвел в абсолютное. Тело злодея для него неприкосновенно. Исток его морали – «чувство жалостливого сострадания». Человек выступает для него или страдающим, или жалеющим. Его религия – «мораль сострадания». Он не человека осветил лучом любви к Богу, чтобы обрести абсолютный критерий нравственности, а восприятие Бога затемнил состраданием к мучающимся людям [4. С.356, 387]. Это жалостливая, бездуховная любовь общественно вялая, безразличная к последствиям.

Христианство учит «духовной любви». Эта любовь избирает то, что является объективно лучшим не только для данного человека, данной группы людей, но то, что по своему содержанию спасительно и целительно для каждого человека; она ценит в человеке не все без разбора, а «образ Божий», стремление к совершенству. Любовь к ближнему есть любовь к его духу, а не «просто жалость к его страдающей животности» [6. С.477]; она есть в первую очередь связь духа с духом, а потом – души с душой, тела с телом. Духовно зрячая любовь знает объективно лучшее, ценит его достоинство и готово к его обороне силой и мечом; она ограничивает действие душевной любви в ее «непосредственном наивном разливе». Человек, угасивший в себе образ Божий, нуждается не в безвольном «да», а в сурово-осуждающем «нет». Это отрезвляющее «нет» проистекает из любви к божественному в падшей душе. Так возникает «отрицательный лик любви», производный от ее силы в добре. Сильный в добре силен в отрицании зла. Отрицающая любовь желает каждому человеку духовного просветления; встречая подлинное зло («самоутверждающуюся противодуховную злобу»), она усиливает свое «нет» в такой последовательности: неодобрение, несочувствие, выговор, осуждение, отказ в содействии, протест, обличение, требование, психическое понуждение, строгость, суровость, бойкот, физическое понуждение, пресечение, казнь [3. С.413].

Кто пресекает зло силою, тот допускает в себя нравственно-несовершенное, ущербное состояние. Ибо физическое пресечение зла будит страсти, азарт, кровожадный инстинкт. Отрицающая любовь – урезанная и не святая, она безрадостна и мучительна, сурова и жестка. Она требует *духовной верности и самоочищения, стойкости и выдержки, силы и подвига.*

Ильин дает следующее решение трагической проблемы. Тот, кто перед агрессивным злодейством требует идеального нравственного исхода, не понимает «жизненной трагедии» – в такой ситуации *идеального исхода*

нет. Ибо идеальный исход – это исход *праведный*, т.е. *нравственно совершенное деяние*. Неосуществление такого деяния есть исход *неправедный*. *Всякий грех есть неправедность, но не всякая неправедность есть грех*. Человек грешен тогда, когда он мог совершить дело *праведно*, потому что *объективные* условия это допускали, но *субъективно* он оказался не на высоте возможностей. Но бывают ситуации, когда *объективные* условия *исключают* *праведный* исход. Человек понимает это и, тем не менее, идет на него, пытаясь найти «наименее *неправедный* исход». Такой поступок есть *сознательное осуществление неправедности*. Но он *не является* грехом. «Это есть не отпадение от совершенства по субъективной слабости, а отступление от совершенства по объективной необходимости и проявление субъективной силы». В такой ситуации человек творит *не грех, но служение* должному совершенству.

Нравственно-совершенное обязательно для каждого человека всюду, где ему объективно доступен *праведный* исход. Там же, где такой исход не доступен объективно, там для человека обязателен *неправедный* исход с наименьшей *неправедностью*. Ильин делает вывод: «Нравственно-несовершенное не всегда практически запретно. Оно не запретно именно там, где объективно невозможен *праведный* исход» [3. С.453].

Путь меча *неправедный*. Но мудрость жизни состоит в необходимости «мужественно вступать в *неправедность*, идя через нее, но не к ней, вступая в нее, чтобы уйти из нее». Да, путь меча *неправедный*. Но разве есть, восклицает Ильин, другой, *праведный*? Не тот ли путь сентиментального непротивления, как «путь предательства слабых, соучастия со злодеем»? Человек может потакать злу или сопротивляться. В первом случае он мечет бисер перед свиньями, чтобы не быть растерзанным. Злодей, попирающий духовное достоинство человека, ставит каждого перед дилеммой: «предать дело Божие, соблюдая свою *праведность*, или быть верным Богу, избирая *неправедный* путь» [3. С.464]. Мужество и честность требуют духовного компромисса, притягивая своей личной *неправедности* в борьбе со злодеем как «врагом Божьего дела» [Там же. С.465].

Положение меченосца «*нравственно-трагическое*». Выход из него по плечу *духовно* сильным. Сильный человек не бежит от зла в «мнимодобродетельную пассивность», но *входит в трагическое положение, чтобы изжить его*. В этом – его подвиг борьбы и духовного напряжения. Он выносит свои поступки, чтобы пронести «совершенное дело». Он не

отрекается малодушно от содеянного, но и не идеализирует его нравственное содержание [З. С.466]. Он очищает религиозно свою душу, но не раскаивается. Ибо он *не праведен, но прав*. Справедлив меч, движимый положительной любовью к делу Божию и к Родине, и отрицательной любовью к злодейству. Меч не свят, не праведен, но он необходим в борьбе за дело Божие с силами ада и злодейства.

Ошибочно освящение силы и меча, их вознесение «на высоту совершенства и святости». Это – ветхозаветная традиция, понимающая Божество как «совершенство силы», а не как «совершенство любви и добра». Ошибочно так же налагать запрет на силу и меч, ибо обращение к ним может быть «нравственно и религиозно обязательным». Ошибочно слагать с себя ответственность и перелagать ее на Бога: мол, меч направляет не моя рука, а Бог через меня. Это путь к вседозволенности и деморализации. Это, добавим, американская манера.

Кто не выходит из любви к Богу, тому не страшно временное отступление от праведности. Он чище и выше борьбы со злом, она не ломает его. Принять бремя меча, опасностей и страданий может тот, кто утвердил свою любовь и жизнь в свете совершенства Божия. В любви ко Христу он имеет живую основу своего личного духа и черпает в ней силу подвига и очищения.

Церковь и государство, монах и воин необходимы друг другу, они совместно утверждают и обороняют *дело Божие – земные содержания в их тяготениях и устремлениях к совершенству*. Молитва монаха – это духовный меч, пресекающий в душе злые помыслы. Меч воина – «огненная молитва», ограждающая дело Божие от злодеяний. В Православии *молитва направляет меч*, но не наоборот. Такова молитва св. Сергия Радонежского и таков меч Дмитрия Донского.

Христос учил не мечу, а любви. Но ни разу не осудил он меча, «ни в смысле организованной государственности, для коей меч является последней санкцией, ни в смысле воинского звания и дела» [З. С.467]. Ильин цитирует Апостольские послания, где обосновывается меч. Апостол Павел [Римл. 13: 3-5]: «Ибо начальник есть Божий слуга, тебе на добро. Если же делаешь зло, бойся, ибо он не напрасно носит меч. Он божий слуга, отмститель в наказание делающему злое». Смертная казнь, замечает Ильин, здесь не воспрещена и не проклята, она допущена как необходимость, но не освящена. Надо сделать все, чтобы палач и меч были бы не нужны. Если же они необходимы, надо их принять. Люди связаны в добре и во зле. Отсюда проистекает необходимость сообща оборонять

Родину, веру и святыни. Народ и государство, отмечает Ильин, должны найти согласие в этом деле. В условиях же общественных потрясений, какие ныне переживает Россия, физические понуждение злодея и пресечение злодейства становятся патриотической обязанностью граждан.

Христос призывал любить *личных* врагов, а не врагов Божиих, не совратителей. Для них Христом было уготовано утопление с жерновом на шее. Человек волен прощать *личные обиды*, а не чужие страдания. Он не вправе предоставлять злодеям обижать слабых, развращать детей, осквернять храмы и губить Родину. Именно так понимало древнее русское Православие идею любви и меча, выговорившее устами св. Феодосия Печерского: «Живите мирно не только с друзьями, но и с врагами: однако только со своими врагами, а не с врагами Божиими». Со злодеями, подчеркивает Ильин, необходимо вести борьбу, «но не из личной вражды к ним, а из любви к Богу, к святым, к родине и к ближним». Христианину в обращении со злодеями достаточно вспомнить великий момент, когда *божественная любовь в облике гнева и бича изгнала из храма кощунственную толпу*: «И сделав бич из веревок, выгнал из храма всех, также и овец, и волов, и деньги у меновщиков рассыпал, а столы их опрокинул» [9].

Христос учил любви. Но именно любовь, замечает Ильин, подымлет жертву несправедности. Взятые меч погибают от меча. Но любовь может побудить человека принять и эту жертву. Так поступали православное воинство и советские воины. «Ибо братья за меч имеет смысл только во имя того, за что человеку действительно стоит умереть: во имя дела Божия на земле». Умиравший за такое дело в себе самом, в других людях и в мире отдает «меньшее за большее, личное за сверхличное, смертное за бессмертное, человеческое за Божие». В этой отдаче он делает свое меньшее – большим, свое личное – сверхличным, свое смертное – бессмертным [3. С.469]. Бессмысленно братья за меч тому, кто не знает и не имеет ничего выше себя и своей личной жизни. Себялюбцу вернее бросить меч и спастись ценой предательства и покорности злодею. Это и предлагают нам сегодня российские непротивленцы. Непротивление злу силою означает объективно по своим последствиям приятие зла, подчинение и самопредание ему, участие в нем, превращение себя в его орудие, орган и рассадник, личное добровольное саморазрушение и самозаражение, распространение заразы среди других людей. Оно есть разрушение человеком своих собственных «волевых стен индивидуального Кремля» [6. С.308-309].

Пока в человеческой душе живет зло, писал Ильин, необходим будет меч – сильный в своей неизвлеченности и в своем пресекающем ударе. И *борьба со злом должна быть в руках лучших людей – честных, совестливых, религиозно мыслящих*. Весьма спорно утверждение А. Кураева – «нельзя воевать без ненависти». Ненависть – аффективное состояние, она туманит разум. Воины, ведомые ненавистью, как правило, проигрывают сражения. Выигрывают те, кто перекалил начальную ненависть в *уверенность в своей правоте*. Такая уверенность вела к победам полководцев А.В. Суворова и Г.К. Жукова.

Счастливы монахи, ученые, художники и созерцатели, восклицает Ильин: им дано творить чистое дело чистыми руками. Не осуждение они должны нести политику и воину, а благодарность и молитву за них. Ибо «их руки чисты для чистого дела только потому, что у других нашлись чистые руки для нечистого дела». Непротивленцы обязаны подвигам и страданиям тех, кто из поколения в поколение обуздывал зверя в человеке и освобождал других от напряжений отрицающей любви. Непротивленцы же, пользуясь благами векового дуба, стали подрывать его корни и валить его: они начали осуждать благодетелей, своих защитников, отрицать необходимость пресечения злодеяния, ханжески гордиться своей нравственной чистотой. Отвергает путь меча тот, бросает в лицо сентиментальным моралистам Ильин, кто всю жизнь мирился с несправедностью «в свою пользу». А когда необходимо принять на себя бремя служения, тогда такой моралист вспоминает о том, что он должен быть безгрешным праведником. Но опять в свою пользу. Если бы теория непротивленцев стала практикой, то на свете остались бы одни злодеи и рабы.

Острая полемика, которую вызвала книга Ильина, очень поучительна для понимания позиций современных российских либералов, «правозащитников». Она ясно обнажила два умонастроения: православно-патриотическое и либерально-западническое. Идеи Ильина поддержали иерархи Русской Православной Церкви, философы и военные. Митрополит Антоний отметил: если «не казнить не раскаявшихся злодеев, то они будут казнить мирных граждан». Ильин «глубоко и всесторонне понимает христианское учение о степени совершенства и смотрит правде в глаза без замалчивания» [4. С.372]. Архиепископ Анастасий Иерусалимский писал, обращаясь к Ильину: «Ваш труд зажигает сердце горящим дерзновением правды. ... Пусть Ваше смелое слово послужит светочем для всех, кто привык честно и нравственно мыслить, не уклоняясь в словесах лукавых.

Оно явится укрепляющей солью для нашего словоблудия, приведшего нас к нынешнему плачевному состоянию» [Там же. С.398]. Твёрдую поддержку оказал профессор П.Б. Струве: «И.А. Ильин есть интересное и крупное явление в истории русской образованности.... Такого как он русская культура еще не производила». В замечательной книге автору удалось «поставить и в определенном христианском смысле разрешить проблему противления злу силой». Оппонентам Ильина Струве задает убийственный вопрос: «Какой меч благословил Преподобный Сергей Радонежский, и каким мечом сражались иноки Пересвет и Ослябя?» [4. С.306-307,402]. Историк философии Р.Н. Редлих отметил «неустаревающее значение» книги Ильина, напоминающей о том, что «принципы мирного сосуществования и ненасильственного разрешения конфликтов» имеют «определенный этический предел» [Там же. С.479]. Классик русской философии Н.О. Лосский назвал книгу Ильина «ценной». Профессор православного богословского института в Париже А.В. Карташев писал: «Чрезвычайно ценной является в книге Ильина глубокая действительно уничтожающая критика индивидуального эгоизма-нейтрализма (этой последней основы всякого непротивленчества), заботящегося только о своем личном спасении, пытающегося отвергнуть ... ответственность каждого за все совершающееся» [Там же. С.268]. Профессор А.Д. Билимович обратил внимание на двойную бухгалтерию «гуманистов». В их ожесточенных нападках на книгу Ильина «очень много злобы» и «фальши». Требующие сейчас христианской любви не вспоминали о ней, когда их товарищи по журналу или по партии признавали возможность бросать бомбы в выходящих из церкви губернаторов, разрывая в клочья ни в чем не повинных молящихся. Эти «две мерки уничтожают всякое доверие к их писаниям» [Там же. С.450].

Крайне резко и непристойно реагировали на книгу публикаторы в газете «Правда», в зарубежных масонских изданиях «Дни» А.Ф. Керенского, «Путь» (ИМКА), «Последние новости» П.Н. Милукова. Надуманность оценок и развязность тона были крайними. М. Кольцов (Фридлянд), советский фельетонист, оценил работу Ильина как «православие с оправданием еврейских погромов», хотя в книге Ильина не было ни строчки об евреях. Известный эсер В.М. Чернов любителю террористами Е.С. Сазоновым и И.П. Каляевым, убившими В.К. Плеве и московского генерал-губернатора, рассуждает о гуманизме («Святейшее из званий – Человек»), в свете которого Ильин предстает как «никакой философ», «идеолог православного фашизма, а его книга – как

«божественная галиматья» [Там же. С.303,354-355,361,366]. Известная масонка Е.К. Кускова оценивает террор народовольцев как «подлинный героизм и самопожертвование» в отпоре злу, а работу Ильина как проповедь, которая «отвратительна с моральной стороны» и «опасна с практической»; при этом она рассматривает обсуждаемую книгу попеременно с публикацией А. Дикого «Евреи в России», подводя читателя к мысли – идеи Ильина чреватые еврейскими погромами [Там же. С.334]. З.Н. Гиппиус в ряде статей отзываясь об исследовании Ильина и оценивает его как «военно-полевое богословие» и «палачество». Это не философ пишет книгу, замечает она, – «это буйствует одержимый» [4. С.376].

Самой непристойной была большая статья Н.А. Бердяева, послужившая сигналом к ожесточенной травле Ильина. Книга Ильина, настаивал Бердяев, – «застенок моральной инквизиции», «кошмарная», с атмосферой «духовного удушья» и «одержимости злом», с «антихристианской настроенностью», с православием, шитым «белыми нитками», с «языческим обоснованием государства». Ильин – «не русский мыслитель», «чужой человек, иностранец, немец». Он принадлежит «отмирающей эпохе» с ее «культом государства, с ее национализмом» и т.д. и т.п. [Там же. С.378-379,383-384,392]. В редакционной статье «Дней» ее автор подчеркивает: газета П.Б. Струве «Возрождение» проповедует «фашизм», «изуверство», «мистическое оправдание плетки г-на Ильина». Н.А. Бердяев и К^о дружно били в одну точку – идеи Ильина антихристианские, неправославные и государственно-тоталитарные.

Материалы этой полемики очень напоминают методы современных «дискуссий», в рамках которых линия патриотизма, национального самосознания квалифицируется как угроза «русского фашизма»!; так сказать, с позиций *презумции виновности*. Сам Ильин такие методы выразил точно: достаточно сказать «мракобес», «черносотенец», «погромщик» и дело сделано. Митрополит Антоний выразился не менее точно – «мелкие, нанятые критики».

Ильин хорошо понимал организованность травли. Из Праги в Париж, из Парижа в Берлин и Ригу, в Иерусалим люди списывались, отмечал он, и выступали против моей работы. Бердяев, Зеньковский, Гиппиус, Чернов, Степун, Демидов, Милюков, Айхенвальд пытались «изобразить меня кроважидным погромщиком, Торквемадою, помешанным». «Это был просто указ из определенных мне известных центров: идеология Ильина должна быть скомпрометирована [Там же. С.276].

О «центрах» нет нужды строить догадки. «Заграничный Бердяев, – сообщал Ильин архимандриту Константину, – есть *создание масонских лож*. Он вступил в ложу, покидая Берлин и договариваясь с ИМЖОю. ... Отсюда вся история Бердяевщины; но и *Булгаковицины*. Ибо книга Булгакова в защиту Иуды Предателя с попыткой провозгласить Иуду национальным покровителем русского народа ... – принадлежит сюда же» [7. С.153]. Ильин избегал общества «братьев». «Что же делать нам, зажатым между католиками, масонами и большевиками? Отвечаю: *стоять*, держась *левой* рукой (от сердца идущей) за Господа Христа, за Его неделимый хитон; а правой бороться до конца за Православие и Россию Православную. И прежде всего зорко видеть те круги, которые “варят антихриста”. Все сие, – хотя бы грозило полное с виду одиночество. Этому я и посвящаю остатки моей жизни» [7. С.154]. «Эту линию духа, *нить духа*, – завещал Ильин, – надо по-ариаднину вести через весь лабиринт Минотавра».

В чем же «центры» усмотрели опасность книги? Ильин похоронил с ясных христианско-православных и государственных позиций масонские установки «терпимости», «толерантности», «политкорректности». рассчитанные на профанов. Противогосударственная «моральная работа» «братьев» лишилась идейной опоры под неопределенным названием «гуманность».

Во-первых, Ильин показал необходимость симфонии церкви и государства. Христианин должен принять государственное дело. Оно совместимо с христианским вероучением. Ильин укрепил христианское правосознание. Во-вторых, он указал целевое назначение меча – защищать дело Божие и Родину и не служить иным целям. Государство имеет право сопротивляться злу силою. В противостоянии злу армия есть мужественное начало народа, его духовная воля и сила, ограда национальной целостности и независимости, школа патриотизма, верности и чести, дисциплины и стойкости. Ильин отстаивал волевое служение Отечеству вопреки космополитизму и «гуманизму» ордена интеллигенции. В-третьих, он возродил древнее православное учение о мече. Это учение увлекло православную молодежь в эмиграции. Оппоненты Ильина были «встревожены» тем, замечает Ильин, что эта молодежь «мыслит не с ними, а с нами» [5. С.259]. В-четвертых, а это самое главное для понимания травли, Ильин раскрыл *антиправославную и противогосударственную направленность позиции Бердяева и его сторонников*.

Втайне считая государственное дело противохристианским, они, в

отличие от Толстого, боятся выговорить это. Уходя от традиции Православной церкви, они не хотят дать государственному делу христианского осмысления, одобрения и укрепления. Они поносят того, кто желает это делать. Они «систематически выдвигают именно противогосударственную традицию и выдают ее за единственно православную». Они таким образом сразу фальсифицируют и Православие, и государственное дело. Они, замечает Ильин, принимают так, чтобы не принять, допускают с тем, чтобы осудить. Их воззрению соответствовала безвольная и предательская «государственность» временного правительства, а также, добавим, бывшего президента СССР М.С. Горбачева. Такое «прятие» государства, втайне считающее его противохристианским делом насилия, будет и впредь чревато предательством Церкви и Родины. В критический момент, предупреждал Ильин, когда борьба за Церковь и Родину потребует войны или казни, скрытое отвержение государства выйдет из подполья наружу и наложит запрет на меч. Всегда найдутся люди, которые «приемлют» государство, чтобы «пролезть наверх», но у которых это «прятие» настолько неискренне, чтобы предать государственное дело, предоставив злодеям свободу, отвергая наступательную пресекающую борьбу. В точности исторической прогностики Ильину не было равных в русской философии. В России 1990-х годов сложилась подобная ситуация.

Бердяев обходит вопрос о государстве. Для него «душа отдельного человека стоит больше, чем все царства мира». Но благо государства затрагивает души и других людей, а не только отдельного человека. По Бердяеву, надо ждать от нее покаяния и обращения ко Христу, ибо «отрицание свободы зла делает добро принудительным» [4. С.386]! В этом высказывании Бердяева, раскрыта вся его безответственность, софистика и путаница, вся шаткость его мысли и воли, вся «белибердяевщина», вся губительность либеральной установки, делающей идол из сентиментальной гуманности. Слезами и горем народа оборачивается такая «гуманность». Ильин иронизирует: «душа» коммуниста Зиновьева драгоценнее «Российского царства». И надо ждать. Вдруг Зиновьев покается.

Отвечая критикам, Ильин их спрашивал: Как мог преподобный Сергей Радонежский вдохновлять Дмитрия Донского к кровавому побоищу? Почему он не ожидал покаяния татар? Или Сергей Радонежский не дорожил как Бердяев «индивидуальной человеческой душой»? А монахи Троице-Сергиевой Лавры, воевавшие в Смутное время с

воровскими шайками, тоже творили вслед за преподобным Сергием противохристианское дело? А святой Патриарх Гермоген, поднимавший грамотами Россию на поляков и воров? А митрополит Ростовский Кирилл вместе с князем Пожарским, организовавший и ведший ополчение на Москву? А наши полковые священники, ходившие с крестом в атаку и благословляющие на смертный бой за Родину? Они тоже извращали христианство и взвинчивали страсти? Что было бы с Россией, если бы царь Алексей Михайлович стал бы ожидать покаяния Степана Разина и его «сволочи», по выражению А.С. Пушкина? Если бы Петр Великий и Екатерина Великая не взяли на себя решимость казнить злодеев? И когда Церковь не осудила правителей, она действовала вопреки христианскому учению? Кто из русских православных святителей, строивших Русь, учил непротивленчеству? Феодосий Печерский? Или епископы, советовавшие Владимиру Святому казнить разбойников? Или Сергей Радонежский? Или Петр, Алексей, Иона и Филипп? Или Гермоген? Или Филарет и Никон? Или Серафим Саровский? Или старцы наших дней? Что может этому противопоставить толстовствующий непротивленец? Личное «не приемлю»? Но это «нет» имеет не «публичное», а сугубо «личное» значение. Подумайте только: русская интеллигенция, иронизирует Ильин, гуманнее Апостола Павла и Преподобного Сергия, милосерднее Апостола Петра и любвиобильнее Патриарха Гермогена. И традиции наших великих святых оказываются традицией «злого добра». «Учитесь христианской любви, – обращался Ильин к молодежи, – у Преподобного Сергия, у Патриарха Гермогена, у Александра Невского и не учитесь ей у Льва Толстого и его последователей» [4. С.285], равно как и у шаткой либеральной российской интеллигенции, подтачивающей волевое начало армии.

Злодеи не только убивают. Они намеренно разлагают дух народа: восхваляют зло, лгут, клеветуют и льстят, пропагандируют и агитируют. Потом (далее мы процитируем то из книги Ильина, что точно передает доминанту в средствах массовой информации России), «приобретя авторитет, приказывают и запрещают, исключают и понуждают угрозами, искушают, чувственно опьяняя взор и слух, и сознание, угождая дурным инстинктам и разжигая их до состояния страстного кипения. Они будят в душах чувство обиды, зависти, вражды, мстительности, ненависти и злобы, ставят людей в тягостные, унижительные, невыносимые условия жизни, подкупают выгодой, почетом, властью стараются подорвать в душе чувство собственного достоинства, уважения и доверия людей друг к

другу, приучают ко злу простой повторностью, бесстыдным примером, незаметным заражением, внушением, расшатыванием воли, привитием порочных душевных механизмов и стремятся покрыть все это явной удачливостью, безнаказанностью, гамом упоенного пиршества» [6. С.346-347]. Эти злые импульсы сгущаются, заряжают душевную атмосферу и провоцируют неуравновешенных людей к злодеяниям и убийствам.

В современной России непротивленцы верны прежней тактике. Это – шельмование патриотизма и государства, намеренная деморализация армии в средствах массовой информации, пацифизм, требование отмены смертной казни, проповедь «толерантности» к тому, что нетерпимо, неощутимое, медленное разложение государства, насаждение «гуманности» к злодеям, под прикрытием которой вымирает народ, а меч НАТО приближается к Смоленску.

Зло в современной России интеллектуализировано. Его обосновывают «нанятые гуманисты», многие из которых отрабатывают гонорары, гранты мировых денегодателей. Необходимо восстановить *иммунную систему* государства по отношению к торжествующему злу и поставить на его пути *молитвенное укрепление духа, законы правосудия и меч воина*. Религиозность, проповедующая непротивленчество, ведет к предательству Родины и государства и работает на «мировую закулису». Для строительства России русский человек нуждается прежде всего «в воспитании волевого характера». Горе тому народу, восклицает Ильин, который утратит волю к борьбе со злом, ибо злодеи истребят его лучших сынов, а оставшихся превратят своих покорных рабов [6. С.227].

Непротивленчество на рубеже XX-XXI веков проявляется и в виде пассивного ожидания прихода антихриста, усиления в православных изданиях акцента на «нашем поражении». «Христианство – едва ли не единственное мировоззрение на земле, – пишет А. Кураев, – которое убеждено в неизбежности своего собственного исторического поражения» [11. С.11]; «свой последний, итоговый выбор человечество сделает в пользу антихриста, а не в пользу Христа» [Там же. С.14]. Такие суждения парализуют волю у шатких в вере, сеют пораженчество и чувство безысходности, обреченности. Антихрист есть олицетворение зла. И проповеди о его неизбежном пришествии, усиленные многократно, суть проводники зла; они программируют такое поведение миллионов людей, которое и в самом деле может привести к реализации сумрачных человеческих видений. Может нам хватить нить?

История России учит: в годину суровых испытаний любовь ко

Христу и меч предполагают друг друга. Образ Божий в душах побуждает к верности, ответственности, служению и самоотверженности: Любимое и совершенное нравственный человек оберегает и защищает словом, делом и мечом. Традиции православных святых противоположны непротивленчеству, и эти традиции призвано унаследовать в XXI веке молодое поколение России.

Русская культура возвращается к нам во всей полноте. И мы возвращаемся в ее родное лоно, усваивая, в частности, духовное наследие Ивана Александровича Ильина. Его классические работы – это жемчужины первой величины в короне русской философии, философии религии, культурологии, этики, эстетики, искусствоведения, политологии, правоведения, педагогики и публицистики. Заслуживает глубочайшей благодарности от культурной общественности России Юрий Трофимович Лисица – составитель и комментатор 22-томного издания трудов И.А. Ильина. «Гражданин, любящий свое Отечество и свой народ, болеющий за свою Родину, – отмечает Ю.Т. Лисица, – не может не отозваться на пламенное слово Ильина, потому что как у настоящего ученого слово его – точное, как у сильного философа – глубокое, как у мудрого педагога – строгое, как у истинного художника – образное, как у прекрасного стилиста – изящное» [8. С.5]. Поэтому «нет сомнений в том, что наследие мыслителя станет твердой опорой для грядущих поколений» [Там же. С.182].

Литература

1. Гончаров С.З. Поиск идентичности в координатах отечественных и западных ориентаций // Воспитание духовности: Ценностные основы идентичности личности. – Екатеринбург, 2007.
2. Ильин И.А. Путь духовного обновления // Ильин И.А. Собр. соч.: В 10 т. М., 1993. Т.1.
3. Ильин И.А. Идея Корнилова. Из речи, произнесенной в Праге, Берлине и Париже // Ильин И.А. Собр. соч.: В 10 т. М., 1995. Т.5.
4. Ильин И.А. О сопротивлении злу силою // Ильин И.А. Собр. соч.: В 10 т. М., 1995. Т.5.
5. Ильин И.А. О сопротивлении злу // Ильин И.А. Собр. соч.: В 10 т. М., 1995. Т.5.
6. Ильин И.А. О сопротивлении злу силою // Ильин И.А. Соч.: В 2 т. М., 1993. Т.1.
7. Ильин И.А. Собр. соч.: Письма. Мемуары. 1939-1954. М., 1999.

8. Иван Ильин и современная Россия: Неопубликованные фотографии и архивные материалы / Автор и сост. Ю.Т. Лисица. М., 1999.

9. Иоанна II, 15.

10. Кураев Андрей. Как относиться к исламу после Беслана? // Православная газета – 2004 от Р. Х. №36.

11. Кураев Андрей, диакон. О нашем поражении. Христианство на пределе истории. М., 2003.

В.И. МЕЛЬНИК, Е.А. ЦАРЕВА

г. Екатеринбург

ПЕРСОНАЛИЗМ Н.А. БЕРДЯЕВА: СВОБОДА ТВОРЧЕСТВА

Понятие «свобода творчества» все чаще употребляется в средствах массовой информации, в выступлениях политических лидеров, декларируется Конституцией нашего государства. Однако смысл, вкладываемый в это понятие разными людьми, различен, зачастую предлагаются самые противоположные пути решения проблемы свободы творчества.

Интересны в этом отношении идеи Бердяева – о смысле существования человека и в связи с ним смысла бытия в целом. Решение данных проблем, по мнению писателя, может быть только антропоцентрическим. Осмысленное существование – это существование в истине, достижимое человеком на путях спасения (бегства от мира) или *творчества* (активного переустройства мира культурой, социальной политикой).

Бердяев был поглощен экзистенциальным интересом к человеку, в «Самопознании» он отмечает: «экзистенциальная философия...понимает философию как познание человеческого существования и познание мира через человеческое существование» [1]. Однако, в отличие от других философов-экзистенциалистов, писатель не удовлетворяется сопереживанием, его волнует не столько трагедия человеческого существования, сколько *свобода человеческой личности и человеческого творчества*. «Свобода, личность, творчество лежат в основе моего мироощущения и мирозерцания», – пишет Бердяев [1]. Он онтологизирует свободу, выводит за рамки обычных проблем философии. Свобода, своими корнями уходящая в иррациональную и трансцендентную безоснованность, является для него *исходной и определяющей реальностью человеческого бытия и творчества*.

Центральным пунктом философского экзистенциализма и персонализма Бердяева было соотношение объективного мира и